

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССАХ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ (СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК ОСОБЫЙ ФАКТОР ПРИГРАНИЧЬЯ В РАБОТАХ А. С. ПРУГАВИНА)¹

Кузнецова Наталья Юрьевна (а)

(а) ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет. 185910, Россия, Республика
 Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Email: foliage.07@mail.ru

Аннотация

В статье на основе материалов известного религиоведа А. С. Пругавина анализируются религиозные процессы на севере Российской империи. В частности, рассматривается вопрос о старообрядчестве как особой категории верующих на Европейском Севере. Исследователь раскрывал роль старообрядчества для данной территории через формирование их исторической памяти, взаимодействие с окружающим миром на уровне «человек-человек», бытовую составляющую старообрядческой жизни. Автор строит свой анализ, основываясь на работах, собранных и частично опубликованных самим Пругавиным (в том числе на архивных данных из личного фонда народника), а также привлекает дополнительные архивные, публицистические и исследовательские материалы. В качестве итога Пругавин указывал, что в современный ему период старообрядчество не просто играло особую роль для Европейского Севера, но и внесло существенный вклад в развитие как самого региона, так и обозначенного социума в целом в империи.

Ключевые слова

старообрядчество; религиозная жизнь; Европейский Север; фронтир; традиционное общество; А. С. Пругавин; народничество

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

THE QUESTION OF RELIGIOUS PROCESSES IN THE EUROPEAN NORTH (OLD BELIEF SPECIFIC FACTORS BORDERLAND IN THE WORKS OF A. S. PRUGAVIN)

Natalya Yuryevna Kuznetsova (a)

(a) Petrozavodsk State University. 33 Lenina pr., Petrozavodsk, the Republic of Karelia, Russia, 185910
Email: foliage.07@mail.ru

Abstract

The article analyzes religious processes in the north of the Russian Empire based on the materials of the well-known religious scholar A.S. Prugavin. In particular, the question of Old Believers as a special category of believers in the European North is being considered. The researcher revealed the role of the Old Believers for a given territory through the formation of their historical memory, interaction with the outside world at the “person-to-person” level and the everyday component of the old believe life. The author bases his analysis based on the works collected and partially published by Prugavin himself (including archival data from the populist personal fund), and also attracts additional archival, journalistic and research materials. As a result, Pruhavin pointed out that the Old Believers played a special role for the European North and made a significant contribution to the development of both the region and the designated society as a whole in the empire.

Keywords

Old Believers; religious life; European North; frontier; traditional society; A. S. Prugavin; populism

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Александр Степанович Пругавин в Российской империи последней трети XIX – начала XX вв. был одним из признанных экспертов-религиоведов. Интересуясь всеми проявлениями и особенностями религиозности в народной среде, отличными от Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), значимое место в своих исследованиях Пругавин отводит такому явлению, как старообрядчество. Исследователь, как уроженец Европейского Севера России (детство и юношеские годы, а затем и период ссылки провел в Архангельской губернии), ещё в юности сталкивался со старообрядцами. Однако только изучение им в студенческий период народнической идеологии, личное знакомство с яркими представителями народничества (например, М. А. Натансоном) и их теориями относительно включения религиозных нон-конформистов в социальную борьбу, а также собственное переосмысление этих идей привели Пругавина к постановке вопроса «а знаем ли мы раскол?». В конце 1870-х гг. он даже опубликовал в газете заметку с одноименным названием. Именно она стала первой в целой серии последовавших за ней текстов А. С. Пругавина на тему исследований старообрядчества. Впоследствии, исследователь оставил после себя значительное количество работ научного, исследовательского и публицистического характера. И вопрос о старообрядцах севера империи занимал в работах автора значительное место, поскольку именно на данной территории религиовед имел возможность воочию наблюдать особенности религиозной жизни народа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Итоги изучения А. С. Пругавиным *старообрядческого вопроса* в русском обществе нашли отражение во множестве публикаций религиоведа. Среди исследований можно выделить как обобщающие работы (Пругавин, 1904), так и материалы, освещавшие отдельные темы:

- затрагивавшие в той или иной мере религиозные центры (как старообрядческие, так и принадлежащие РПЦ) и их роль в указанной проблеме (Пругавин, 1905а);
- касавшиеся вопроса о роли старообрядчества в народе и об их месте в России (Пругавин, 1887);

- поднимавшие тему старообрядческой культуры (Пругавин, 1898).

Во множестве очерков, статей и книг Пругавина, посвященных теме, часто отдельным блоком прослеживается материал об Европейском Севере и роли данного региона для старообрядчества. Региона, который и по данным официальной статистики вполне успешно боролся со старообрядчеством (Демоскоп Weekly, 2019) (рисунок 1).

Старообрядцы в Российской империи (общая численность)

Вероисповедание	Мужчины	Женщины	Оба пола *
Православные и единоверцы	42954739	44168865	87123604
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	1029023	1175573	2204596

Старообрядцы в Архангельской губернии

Вероисповедание	Мужчины	Женщины	Оба пола *
Православные и единоверцы	159858	177479	337337
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	2173	4054	6227

Старообрядцы в Олонецкой губернии

Вероисповедание	Мужчины	Женщины	Оба пола *
Православные и единоверцы	169157	188739	357896
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	793	2143	2936

Рисунок 1. Выборка о старообрядчестве из Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г.

Так, согласно данным распределения населения по вероисповеданиям и регионам Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., представленным на рисунке выше, старообрядческое население империи в целом составляло всего 1,75% от общей численности населения. В Архангельской губернии эта цифра равнялась 1,8% (православных и единоверцев – 97,3%), а в Олонецкой – 0,8% (православных и единоверцев – 98,3%) от общей численности жителей. При этом из переписи видно, что группа старообрядческих верующих всегда шла следующей по численности после православия и единоверия строку.

По материалам же РПЦ, публицистическим текстам и личным наблюдениям интеллигенции и краеведов Европейский Север считался наиболее подверженным «расколу». В частности, автора занимал вопрос о религиозных центрах старообрядцев, во множестве разбросанных на северной территории страны. Прослеживая историю и современную судьбу этих мест, Пругавин показывал читателям, каким образом власть на местах вела себя со старообрядцами в тот или иной период жизни государства и как иногда сложно

выстраивались отношения в системе «человек-человек» при взаимодействии, прежде всего, с чиновниками и представителями правопорядка. Особенно ярко эту проблему описывали несколько заметок народника в газетах «Голос» и «Неделя», посвященных Амбурскому скиту в Архангельской губернии (Пругавин, 1879; Пругавин, 1880). Дополненный архивными материалами из Государственного архива Архангельской области (далее – ГААО) и Российского государственного архива литературы и искусств (далее – РГАЛИ) этот материал дает представление об отношениях верующих-старообрядцев и местного чиновничества (РГАЛИ, (n.d.), Л. 1-23; ГААО, (n.d.), Л. 1-2об). При этом, подобные сложности возникали и в соседней Олонецкой губернии, где продолжительное время существовал крупнейший старообрядческий духовный центр – Выго-Лексинское общежитие, и где в современный автору период продолжали свою деятельность ряд старообрядческих скитов, а также православные религиозные центры, связанные с исторической памятью старообрядцев – Соловецкий и Палеостровский монастыри (Пругавин, 1881b). Проанализировав данный материал, можно увидеть, как А. С. Пругавин убедительно показывал, что старообрядческий вопрос в регионах Российской империи в конце XIX в. оставался на стадии острой конфронтации. На местах по-прежнему сохранялся взгляд на старообрядчество, как на нелегитимное явление в жизни народа, которое подлежало искоренению.

С другой стороны, народ на Европейском Севере часто не разграничивал веры на «свою» или «чужую» или объединял их в единую для себя религию, и приобщался как к православию, так и к старообрядчеству, исходя из жизненных обстоятельств. Подобная сложная система внутренней веры обуславливалась не столько духовными исканиями, сколько особенностями историко-культурного ландшафта Европейского Севера – удаленностью территории, малой плотностью населения, трудной транспортной доступностью. Именно поэтому местное крестьянство воспринимало многие старообрядческие монастыри и скиты как значимые духовные центры, демонстрируя и местным чиновникам, и священникам РПЦ их охотное посещение «во всякое время года, более же ко храмовым и господским праздникам...» (Белобородова, 1999, стр. 65). Данное заключение было сформулировано также другим народником, С. А. Приклонским. Приклонский подчеркивал, что часто на Европейском Севере четко определить и отнести ту или иную религиозную группу к конкретному направлению православия было

чрезвычайно сложно, поскольку «религиозное состояние населения» представляло «такие своеобразные черты», когда «народ жил в православии и умирал в старой вере», что однозначно причислить их к той или иной категории верующих не представлялось возможным» (Приклонский, 1885, стр. 81, 83). В дальнейшем, часть накопленных материалов Приклонского в итоге оказалась у Пругавина, и последний с успехом ими пользовался.

Старообрядчество у А. С. Пругавина неизменно выступает *мыслящей и думающей частью народа*, у которой ярко обозначился особый блок потребностей – «потребности просыпающейся мысли, потребности чувства и сердца, жажда умственной, духовной деятельности» (Пругавин, 1881а, стр. 301-302). При этом, по мнению исследователя, особо важным был тот факт, что старообрядцы смогли выстроить особую связь между «бытом и религией» (Пругавин, 1905b, стр. 7), которая позволяла им успешно существовать в сложных условиях северного фронта. Таким образом, изучение *материального освоения* периферии группой верующих-старообрядцев для Пругавина представляло собой анализ совокупности данных об их физической и социальной жизни, собранных и систематизированных в единой системе. Для того, чтобы собрать подобную информацию и привести её к системе, автор в 1881 г. на страницах журнала «Русская мысль» представил общественности разработанную им программу «для собирания сведений о русском расколе, или сектантстве». Программа строилась на основном народническом базисе о том, что для полноты исследования народа необходимо «<...> видеть народ, нужно слышать его речь, нужно жить среди него, нужно не бояться <...> изо дня в день...» (Пругавин, 1997) (рисунок 2).

Программа, как видно на представленной выше схеме включала в себя семь крупных блоков, среди которых весомое место отводилось именно данным о социально-экономической сфере. Так, например, в практически во всех разделах (кроме раздела II. «Догматическая сторона сектантских учений») значительная часть вопросов – почти 41% – затрагивает экономику, статистику и быт религиозных неконформистов (Рисунок 3).

Успешность *духовного освоения* старообрядческой общностью Европейского Севера А. С. Пругавин подтверждает в части других своих публикаций, посвященных вопросу формирования исторической памяти данной группы верующих. История старообрядчества и знаковые для этой категории населения события на севере начали происходить практически сразу после социального и

документального обозначения Раскола внутри РПЦ. Большая часть случаев не просто оказались вписаны в историю раннего старообрядчества, но настолько сильно поразили мысли и чувства современников (а позднее и их потомков), что навсегда оказались вписаны в духовную жизнь данного сообщества.

Рисунок 2: Разделы «Программы для собирания сведений о русском расколе, или сектантстве» А. С. Пругавина, опубликованной в 1881 г.

Экономика - В среде <u>каких именно людей</u> обнаруживается наибольшая склонность к сектантству: <u>среди богатых, зажиточных или бедных?</u> <...> (Р. I., п. 7) - Различные <u>виды взаимной помощи</u>, встречающиеся среди сектантов. (Р. III., п. 34) - Нет ли среди сектантов <u>общественных касс</u>? Их устройство и назначение. (Р. III., п. 35) - Нет ли среди сектантов особых <u>артелей, складчин, товариществ</u>? Описать их устройства. (Р. III., п. 36) - Положение <u>наемных рабочих и батраков</u> в сектантской семье и общине. (Р. III., п. 44) - Отношение сект к <u>различным проявлениям капитализма</u> в современной жизни. (Р. III., п. 45) - Взгляд сектантов на <u>собственность</u> — частную, общественную, государственную. (Р. V., п. 78)
Статистика - Какие именно секты и объединения встречаются в изучаемой местности? <u>Указать на те пункты</u>, в которых живут сектанты <...>. (Р. I., п. 1) <u>Как велико число</u> открытых приверженцев каждой секты? <u>Численность</u> "записных раскольников" по сведениям духовного ведомства <...>, полиции <...> и статистического <...>. (Р. I., п. 3) <...>. <u>Как велико приблизительно число тайных последователей</u> той или другой секты? (Р. I., п. 4) <u>Увеличивается или уменьшается раскол</u> в изучаемой местности? <...> (Р. VII., п. 117) - Если <u>сектантство растет</u>, то в чем главным образом следует видеть <u>причины этого явления</u>? <...> (Р. VII., п. 120)
Быт <u>Среди каких именно сословий</u> сектантов имеют наибольший успех? <...>. (Р. I., п. 6) <u>Домашняя и семейная жизнь</u> сектантов. Взаимные отношения членов семьи между собой. Власть родителей, зависимость детей. (Р. IV., п. 62) <u>Отношение сектантов к школе и образованию</u>. Распространение грамотности среди сектантов <...>. (Р. V., п. 72) <u>Отношение различных сект к наукам, научным занятиям, к книгам новой (гражданской) печати</u> и т. п. <...>. (Р. V., п. 73) <u>Отношение сектантов к присяге и паспортам</u>. (Р. VI., п. 92)

Рисунок 3: Примеры вопросов «Программы...» А. С. Пругавина, затрагивавшие социально-экономические отношения

К подобным моментам в одной из работ А. С. Пругавин отнес старообрядческие гари. Религиовед приводит собранные им с привлечением как информации от властей, так и цифр самих старообрядческих верующих, данные статистики о самосожжениях, произошедших именно на Европейском Севере (рисунок 4).

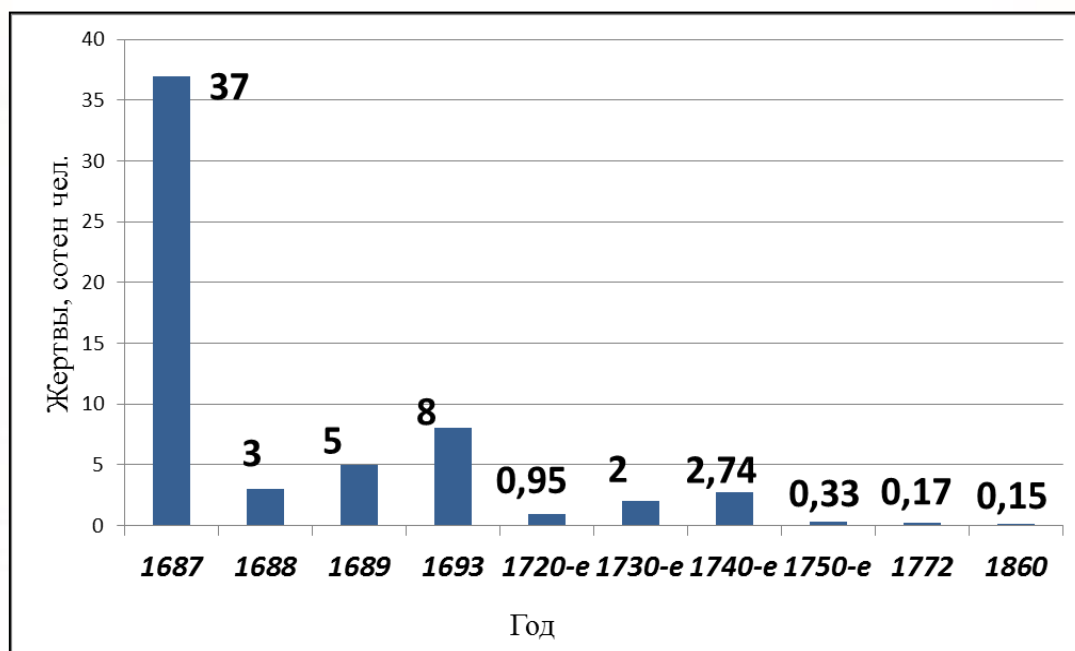

Рисунок 4: Количественные данные А. С. Пругавина о самосожжениях старообрядцев на Европейском Севере (по статье «Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе»)

Как видно, на диаграмме представлен период, начиная с 1680-х гг. и по 1860-е гг. Исследователь, в своей работе оперируя не только цифрами, но и иной имеющейся литературой, признает наличие (и обращает на это внимание читателей) несколько важных моментов (Пругавин, 1885, стр. 84):

- «до сих пор не приведены даже в известность все случаи самосожжения»;
- «предлагаемый нами здесь перечень самосожжений также, конечно, далек от желательной полноты»;
- «удалось довести свой список самосожжений до самого последнего времени, до наших дней».

То есть автор допускает, что смог собрать информацию не обо всех имевших место случаях гарей ввиду сложностей со статистикой (преследования на законодательном уровне, закрытость самого старообрядческого сообщества и т.д.). Хотя представленные Пругавиным масштабы проблемы уже поражают читателя, ведь в напечатанном им общем списке самосожжений, включавшем сорок два пункта, территория Европейского Севера упоминается более чем в двадцати случаях.

Понимавший, что нужно искать объяснения подобному явлению не только в истории, но и в психологии, религиовед подчеркивал, что «эта страшная нравственная эпидемия <...> до сих пор остается невыясненной в должной степени ни с психической, ни даже с исторической стороны». Связь психологической и исторической стороны проблемы стала той основой, на которой Пругавин пытался выстроить корректное для восприятия интеллигенции объяснение данного явления.

А. С. Пругавин также, соотнеся территориально старообрядческие самосожжения, имевшие место на обозначенном им фронтире (включал современные ему Олонецкую и Архангельскую губернии), указывал на массовость данного явления (рисунок 5).

Рисунок 5: Старообрядческие самосожжения на территории двух северных губерний по данным А. С. Пругавина¹

¹ Территории обозначены в современных для А. С. Пругавина границах. Использованы Генеральные карты Олонецкой и Архангельской губерний из Географического атласа Российской Империи, царства Польского и Великого Княжества Финляндского 1820-1827 (авт. В.П. Пядышев).

Религиовед подытоживает, что в основу зарождения старообрядческого *духа места (genius loci)* для всей общности старообрядцев легли, таким образом, события, произошедшие именно на одной из самых удаленных от центра территорий российского приграничья – на Европейском Севере России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, А. С. Пругавин в своих исследованиях не просто знакомил заинтересованных читателей со старообрядчеством Европейского Севера как с особым явлением, характерным для северо-западного приграничья Российской империи, но и делал попытку раскрыть роль этой группы верующих для региона. Особенности формирования старообрядческой исторической памяти, взаимодействие уровня «человек-человек» в социально-экономической сфере, практическая составляющая старообрядческой жизни, – изучение всех этих факторов позволило религиоведу сделать заключение об особой роли старообрядчества для обозначенной территории, а также вывести значимость самого региона для истории старообрядческого социума.

Список литературы

- Белобородова, И. Н. (1999). Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX - начало XX вв. *Уральский сборник. История. Культура. Религия* (стр. 52-67). Екатеринбург.
- ГАОО. (n.d.). Ф. 544. Оп. 1. Д. 21.
- Демоскоп Weekly (2019). *Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам*. Получено из: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=0
- Приклонский, С. А. (1885). Крестьянский мир и приходской причт. *Северный вестник*, 2, 77—95.
- Пругавин, А. С. (1880). Архангельский уезд, 1-го марта (Корреспонденция «Голоса»). *Голос*, 68, 3.
- Пругавин, А. С. (1881a). Значение сектантства в русской народной жизни. *Русская мысль*, 1, 301-364.
- Пругавин, А. С. (1905a). *Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости)*. Москва: Посредник, Серия «Для интеллигентных читателей».

- Пругавин, А. С. (1997). *Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве*. Москва: Социология в России XIX -- начала XX.
- Пругавин, А. С. (1887). *Раскол-сектантство: материалы для изучения религиозно-бытовых движений русского народа*. Москва: Типография В. В. Исленьева.
- Пругавин, А. С. (1905b) *Раскол и сектантство в русской народной жизни*. Москва: Типография И. Д. Сытина.
- Пругавин, А. С. (1885). Самоистребление. Проявление аскетизма и фанатизма в расколе (Очерки, аналогии, параллели). *Русская мысль*, 1, 79-111.
- Пругавин, А. С. (1881b). Соловецкие узники. К вопросу о монастырских заточениях. *Русская мысль*, 11, 46–62.
- Пругавин, А. С. (1879). Староверческие скиты (по поводу одного частного случая). *Неделя*, 38, 1127-1131.
- Пругавин, А. С. (1904). *Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола*. Москва: Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина.
- Пругавин, А. С. (1898). Стихи узника-невольника. *Русская старина*, 11, 477-480.
- РГАЛИ. (n.d.). Ф. 2167. Оп. 1. Д. 306.

References

- Beloborodova, I. N. (1999). Old Believers Arkhangelsk province: composition, abundance, settlement (mid XIX - early XX centuries). *Ural collection History Culture Religion* (page 52-67) Ekaterinburg. (in Russian).
- GAOO. (n.d.). F. 544. Op. 1. D. 21. (in Russian).
- Demoscope Weekly (2019). The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by religion and region. Retrieved from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=0 (in Russian).
- Priklonsky, S. A. (1885). Peasant world and parish clergy. *Northern Herald*, 2, 77-95. (in Russian).
- Pruhavin, A. S. (1880). Arkhangelsk County, March 1 (Correspondence "Voices"). *Voice*, 68, 3. (in Russian).
- Pruhavin, A. S. (1881a). The value of sectarianism in the Russian national life. *Russian thought*, 1, 301-364. (in Russian).

- Pruhavin, A. S. (1905a). *Monastic prisons in the fight against sectarianism. (To the question of religious tolerance)*. Moscow: Mediator, For Intelligent Readers Series. (in Russian).
- Pruhavin, A. S. (1997). *Program for collecting information about the Russian schism or sectarianism*. Moscow: Sociology in Russia XIX - early XX. (in Russian).
- Pruhavin, A. S. (1887). *The Russian Schism - sectarianism: materials for the study of religious and everyday movements of the Russian people*. Moscow: Printing house V. V. Isleneva. (in Russian).
- Prugavin, A. S. (1905b) *The Russian Schism and sectarianism in Russian folk life*. Moscow: Typography I. D. Sytin. (in Russian).
- Pruhavin, A. S. (1885). Self-destruction. The manifestation of asceticism and fanaticism in the Russian schism (Essays, analogies, parallels). *Russian thought*, 1, 79-111. (in Russian).
- Pruhavin, A. C. (1881b). Solovki prisoners. On the issue of monastic imprisonment. *Russian thought*, 11, 46–62. (in Russian).
- Pruhavin, A.S. (1879). Old Believer monasteries (regarding one particular case). *Week*, 38, 1127-1131. (in Russian).
- Pruhavin, A.S. (1904). *Old Believers in the second half of the XIX century. Essays from the recent history of the Russian schism*. Moscow: Dep. type of. t-va I. D. Sytin. (in Russian).
- Prugavin, A. S. (1898). The poems of a prisoner-slave. *Russian starin*, 11, 477-480. (in Russian).
- RGALI. (n.d.). F. 2167. Op. 1. D. 306. (in Russian).